

ФРАНТИШЕК ГЕЙЛ

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ

Для борющейся за свободу и строящей социализм генерации, к которой принадлежал профессор Франтишек Йордан, творчество Зденека Неедлы являлось источником вдохновения и поучения, примером научного стремления и политической деятельности.

Разносторонняя творческая деятельность Зденека Неедлы в области науки и публицистики существенным образом повлияла не только на развитие нашей науки и истории, но и дала толчок к качественному сдвигу в развитии чехословацкой истории искусства, главным образом в области музыки, истории литературы и культуры и не в малой степени очень сильно коснулась культурно-политической жизни Чехословакии. Перед нами стала задача ответить на вопрос, откуда берет свое начало эта общеизвестная, неумолимая исследовательская и познавательная страсть Зденека Неедлы, сила его суждений и всегда такая по-юношески неугасающая борьба против бездеятельности и условностей за научный и социальный прогресс, где источник силы и мужества Неедлы, защищающего познанию правду, социальный прогресс, последовательно борющегося за истинную ценность культуры и искусства, за ослабление напряженности на пути прогрессивного, народно-демократического и социалистического развития, за дело народа, за создание самого гуманного общественного строя.

Заслуживающая всеобщего уважения творческая деятельность Зденека Неедлы возникла и развивалась в педиод, когда искались пути формирования человеческого общества будущего. Его творчество созревало в такое время, когда на одной шестой части земного шара человечеству был предложен ответ на вопрос, как жить дальше, чтобы сознательно избежать кровавых мировых пожаров войны, социальной, культурной и нравственной нищеты, во время, когда в конце концов решался также и вопрос судьбы чехословацкого народа.

На эти вопросы наилучшим образом ответил сам Неедлы своим творчеством. Вошло в привычку связывать творчество Зденека Неедлы, главным образом в гносеологическом и методическом отношениях, с так называемой исторической школой Голла в Карловом университете. Яро-

слав Голл и Отакар Гостинский вне всяких помogli смягчить критическую и научную точность Неедлы, т.е. повлияли на созревание ученого.¹ Однако необходимо иметь в виду, что семинары Голла и Гостинского посещал уже сформировавшийся выпускник литомышльской гимназии с ясной точкой зрения на смысл, цель и задачи работы историка. Ведь еще будучи учеником пятого класса гимназии, Неедлы с отвагой, энтузиазмом и восторженностью начал работать над четырехтомным изданием истории гуситского педиода. Именно при этом он впервые проверил свою смелость и способности и получил первый опыт работы ученого-историка. Импульсом для написания им истории гуситского периода явились труды Франтишека Палацкого и Алоиса Йирасека, которых сам Неедлы считает своими истинными учителями. В работах историка Палацкого и писателя Йирасека Неедлы находил серьезную платформу, с которой начиналось развитие самостоятельного пути молодого ученого. Палацкий был примером для Неедлы не только в том, как им понималось содержание истории чешского народа, главным образом толкование гуситского периода, но и в том, каким методом он пользовался в своей работе. Сам Неедлы в одной из своих работ о Палацком, во всей совокупности восприятия его личности, говорит о своем учителе и образце как о выдающемся чешском гении-историке, историке нового времени (с этим взглядом Неедлы можно встретиться и в других его работах, напр. в книге *O smyslu českých dějin*² и в его труду *Dějiny národa českého*.³ Неедлы подчеркивал, что никому потом не удалось превзойти глубины проникновения Палацкого в историю чешского народа. Молодому Неедлы была особенно близка концепция истории чешского народа Палацкого, на основании которой труды ученого считали исключительными, как и смелость, с которой Палацкий предпринимал осуществление своих планов, и уверенность в окончательном итоге. Заинтересовала Неедлы и философия Палацкого чешской истории, основанная на принципе связей частных конфликтов, постоянной борьбы, борьбы особенного — национального с общим, нового и более совершенного со старым, борьбы, от которой зависит прогресс человеческого общества. В этом отношении Неедлы во многом превзошел своего учителя. Если Ф. Палацкий в духе идей Великой французской революции ограничивал связи и борьбу областью идей, Зд. Неедлы проникает в сущность феномена, к внутренним общественным вопросам, противоречиям, столкновениям, к внутренней динамике исторического развития.

Дальнейшей чертой творчества Палацкого, которое далее стимулировало историческое мышление Зд. Неедлы, было понимание феномена чешской истории в рамках мирового развития, другими словами, преодоление национальной ограниченности. Оценка исторических событий, связанная с их вкладом к общему прогрессу человечества, была для

¹ Svoboda, Ludvík, *Zdeněk Nejedlý a dějiny české filosofie*, сборник статей *Zdeněku Nejedlému Československá akademie věd*, Praha 1953, стр. 181 и сл. — Husa, Václav, *Zdeněk Nejedlý a pokrokové tradice českého dějepiscetví*, там же, стр. 247 и сл.

² Nejedlý, Zdeněk, *O smyslu českých dějin*, Praha 1952, стр. 144 и сл. — То же же, *František Palacký*, Besedy No. 9, Praha 1921.

³ Nejedlý, Zdeněk, *Dějiny národa českého I*, Praha 1949, 75.

Палацкого мерой нашего мирового значения и значения исторического развития.

И в конце концов Палацкий, по словам Зд. Неедлы, имеет заслугу в том, что »он умел не только показать народу его богатую историю правдиво и во всей ее важности, но и внушить ему правильное и столь много ему дающее понимание национальной истории».⁴

Творчество Ф. Палацкого и художественное мастерство Алоиса Йирасека, который по отношению к чешской истории обращался не только к разуму, но и к сердцу своего читателя, оставили глубокий след во всей творческой деятельности Неедлы. Оценивая творчество Йирасека, Неедлы указывает на связь прошлого с настоящим. Исходя из речи Йирасека, произнесенной в городе Гронов в 1911 г., он подчеркивает: «В цепи жизни звенья современности связаны со звеньями прошлого. Не все то, что было, осталось мертвым. Бойцы ушли, но бой продолжается. Наши предки на протяжении столетий смело сражались, и мы унаследовали их борьбу... Обновить память прошлых дней, освежиться ею, укрепить ее, и, если нужно, то и зажечь священный огонь — это, по-моему, необходимо наряду с современным усилием, наряду со всем стремлением к просвещению и к прогрессу, которые являются нашим главным оружием и щитом».⁵

Вскормленный идеями этих двух гигантов истории наших народов, в Пражский университет приходит многообещающий ученый, готовый идти своим собственным путем, познавательным и теоретическим, путем самостоятельным. Спустя некоторое время, в 1913 г., в предисловии к своей работе *Dějiny husitského zpěvu za válek husitských*⁶ (История гуситского пения в период гуситских войн) он об этом говорит: «Уже тогда (т.е. когда он учился в средней школе), я чувствовал, что мне хочется чего-то другого, чем то, чему учит Палацкий и Томек; что этим смысл гуситского движения не исчерпан. Созревая в области работы над историей и расширяя свой жизненный кругозор, я научился более определенно понимать это «другое», т. е. те внутренние силы гуситского движения, которые определяли внешнюю сторону его действий». В самом деле удивительно, что юношеское очарование личностью Палацкого и Йирасека не прикрывало, не ограничивало его горизонтов и не стало для него препятствием самостоятельного подхода к явлениям истории; скорее наоборот, оно становилось стимулом для следования, для теоретического и методологического разветвления и тем самым также и для опережения его великих образцов. Именно в этом заключается сила и смелость интеллекта Неедлы, стоявшего со времени появления его первых опытов в области науки вплоть до издания больших, зрелых произведений в первых рядах борьбы за прогресс, интеллекта, который в конце концов привел его в ряды марксистов и, наконец, коммунистов. Зд. Неедлы сошелся во взглядах с авангардом революционной борьбы за светлое, высококультурное и счастливое будущее народа и человечества.

⁴ Там же, 77.

⁵ Nejedlý, Zdeněk, Alois Jirásek, Praha 1949, 42.

⁶ Того же. *Dějiny husitského zpěvu za válek husitských*, Praha 1913, стр. VIII.

Зд. Неедлы сам выразил свое диалектическое отношение к Франтишеку Палацкому и к труду Алоиса Йирасека следующими словами: «Учиться у Палацкого — это . . . не возврат к тому, что уже прошло; подобно тому как в нашем искусстве нельзя считать возвратом к прошлому, если чешский поэт учится у Коллара, а чешский музыкант — у Сметаны. Учиться у Палацкого, однако, значит придерживаться не буквы, а смысла, духа его историографии; и он не устарел даже там, где устарела буква. Ничем другим нельзя больше противоречить духу Палацкого, чем стать лишь его эпигонами. Не подражать Палацкому, а чувствовать идейную ответственность за работу в области истории — вот забот Палацкого всем чешским историкам, который может выполнять каждый из них, — конечно, по мере своих сил, разным образом».⁷

Высоким моральным, теоретическим, идейным и методологическим постулатам, с которыми мы знакомимся в рассуждениях Неедлы о его образцах и учителях, он остался верным в течение всей своей жизни, развивая их и углубляя. Уже первые произведения Неедлы, возникшие в семинаре Ярослава Голла, а также его работы из области музыковедения предсказывали, что чешская наука в лице Зд. Неедлы приобретает личность необыкновенного исследовательского интеллекта и моральной силы, смелости и искренности. Свидетельством этого была работа, посвященная возникновению гуситского вероисповедания *Prameny k synodám strany Pražské a Táborské*⁸ и боевая статья о Капистране, а также первое публицистическое рассуждение Неедлы (*V Jasně Poljaně*, 1901)⁹, которое смело и в противоположность к тогдашним модным взглядам без колебаний показало всю правду о разочаровании Неедлы от встречи с 13-м апостолом — Львом Николаевичем Толстым в Ясной Поляне. Свою критику она недвусмысленно направляет и против его чешских поклонников, прежде всего против Т. Г. Масарика. Неедлы со смелостью и непоколебимой критичностью, основанной на собственном познании, разоблачает идейную и культурную бесплодность и моральную и человеческую испорченность русского господствующего класса, его абсолютное незнание какого бы то ни было аспекта чешского вопроса. Неедлы — постоянный поклонник Толстого, автора «Войны и мира» и «Крейцеровой сонаты», с огорчением констатировал: «Толстой почти ничего о нас не знает. Знание Богемии, и тем более чехов, у русских весьма туманно . . . Я узнал, что Толстой изо всех чешских реформаторов не знает никого, кроме Хельчицкого . . . Если бы он знал Гуса, Лупача, Луку Пражского и других, пожалуй он в их взглядах обнаружил бы хотя бы что-нибудь, . . . по чему он мог бы узнать, что Хельчицкий . . . ведь не единственный . . . Зная мнение Толстого о Хельчицком, мы, следовательно, вынуждены считаться с тем, что перевод «Сети веры» на русский — только дело случая». « . . . В Ясной Поляне разочаровал меня сам святой. Это разочарование было самым большим, но действительно сильнейшую боль я почувствовал, когда узнал, что Толстой убил в себе худо-

⁷ Того же, *O smyslu českých dějin*, стр. 128.

⁸ Того же, *Prameny k synodám strany Pražské a Táborské v letech 1441—1444*; Praha 1900.

⁹ Того же, *V Jasně Poljaně*, Zvon I, 1901/ — Того же, *Boje o nové Rusko*, Praha 1951, 21—36.

жника. . . . Искусство может оплакивать уже сегодня смерть того, кто еще живет. Так отрицание действительности унижтожает все — и великий дух Толстого».¹⁰

Неедлы с первых своих работ и размышлений проявил себя как человек, отважно и последовательно идущий за правдивым познанием; он не подчинялся наносам времени и отказывался поклоняться признаваемым идолам. То, что мы здесь сказали о его критике Толстого, он полностью также применил, оценивая Достоевского, и в связи с обоими позже — по отношению к чешскому русофильству. Критика Неедлы Толстого была прямо направлена на его толкователя — Т. Г. Масарика. В критическом отношении к фальшивому фидеизму Толстого проявился научный рационализм Неедлы. Критика Неедлы фальшивой веры в царскую Россию и в модернизированное ее подобие у Толстого привлекала внимание чешской общественности к действительному носителю русского завтра — к русскому народу. Поездка Неедлы в Ясную Поляну была великим пробуждением. Это видно и из того, сколько раз гораздо позже Неедлы возвращается к своей поездке.

После посещения России в начале XX века интерес Неедлы к России и ее культуре постоянно растет. Искусство, литературу, культуру вообще понимал Зденек Неедлы как значительную составную часть жизни народа и человечества, которая обладает силой рассказать многое о состоянии их общества. Возвращаясь позже к вопросам конца XIX и начала XX вв., Неедлы показывает, чем русский роман для нового поколения чешской молодежи: «Не было тогда у нас более выдающегося чтения, чем Тургенев, Толстой, Гоголь, Достоевский. Но даже и в этих произведениях нас захватывали, нас привлекали опять-таки страдания русского человека, его нищета, его бесконечная тоска.»¹¹ Поэтому вполне закономерно, что Зденек Неедлы — борец за социальный и культурный прогресс, сторонник народного революционного движения и его культурного и идейного содержания с радостью и восторгом приветствовал — не только из симпатии к борьбе в России самой, «... но и благодаря правильному пониманию», — тот факт, «... что там решают и наш вопрос, что падение русского абсолютизма — сильный удар по власти, которая нас держала в тисках.»¹²

Если нас революция 1905 г. подкрепляла, то революция 1917 г. была освобождающей силой. Поэтому Великая Октябрьская социалистическая революция занимает в жизни и творчестве Зд. Неедлы исключительное место. Неедлы оказался в Праге во время углубляющегося кризиса младочехов, в период подъема рабочего революционного движения, в период его политического и теоретического созревания. Он оказался в Праге в период поисков путей к этому новому феномену социальной и политической жизни народа. И Неедлы должен был ответить на этот вопрос.

¹⁰ *Boje o nové Rusko*, Praha 1951, 31, 32, 36.
Praha 1951, 21—36.

¹¹ *České rusofilství*, in *Nové Rusko* I, No 1, Praha 1925, 2—6. *Boje o nové Rusko*, Praha 1951, 58—59 — См. тоже Špičák, Josef, *Zdeněk Nejedlý. O poznání Sovětského svazu 1917—1927*, Praha 1978, стр. 234—235.

¹² *Boje o nové Rusko*, 59 — Špičák, Josef, ук. соч., 235.

В то время как Масарик покровительственно встал во главе социальной демократии, и его концепция — «строить (понимай капиталистический) наполнить (т. е. усовершенствовать), а не уничтожить его» — поставила перед ней программу антиреволюционного ревизионизма, Эд. Неедлы шел иным путем. Изучение народных движений, их значения в истории народов и человечества, изучение социальных, культурных и идейных направлений народных движений, изучение процесса национального возрождения, борьбы за свободу и будущее народа и человечества привело Неедлы к близкому изучению современных революционных движений. Путь идейного развития приближает Неедлы к великим явлениям мировой культуры — Анри Барбюс и Ромен Роллан. Неедлы видел непрерывность гуситского движения в историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции. В своем размышлении, опубликованном в № 44 жур. *Česká stráž* от 8 ноября 1919 г., по этому вопросу прямо написал: «Борются там (т. е. в России — Ф. Г.) на всех фронтах, и нет сомнения, что это бой суровые; бой на жизнь и смерть... И все-таки это бой, который по многим причинам должен был бы заинтересовать нас в самой высшей степени. Ведь речь идет о том, что будет с Россией, а это вопрос для нас весьма важный, но речь идет еще и о большем, о самом принципе: может ли нация или, лучше сказать, ее народные слои решать свою судьбу. Вот, о чем идет речь — о принципе народо-вла-сти-я, и тем самым, речь идет о всех нациях, которые хотят строить свое государство на основе народовластия. Пусть, собственно говоря, на большевизм кто угодно смотрит как угодно, но каждый должен видеть, что здесь речь идет о русском народном движении и... Лучшее всего это видно теперь, когда, большевизм должен был быть насильственно опрокинут. Здесь вдруг и иные слои русского народа, которые до сих пор по политическим причинам были против большевиков, присоединяются к ним, конечно, не потому, что они отказались от своих политических взглядов, но потому, что даже большевизм им все-таки ближе, как движение народное, чем правительство царских генералов и дипломатов, которое в любом случае означает подавление народного движения».¹³ Неедлы отважно защищает революцию и ее носителей, русских рабочих, и без смущения указывает на историчность их борьбы, на ее мировое историческое значение и постоянное место в истории человечества рядом с гуситским движением. Далее он заканчивает: «Русский народ на этом пути ищет правильный выход... Но ему мешает политика интервенции...

Насильственная интервенция показывает, что речь идет о поработе и народного движения грубой царской силой, а ни в коем случае не о моральном преодолении его ошибок в самом народе. А это должно возмущать каждую чешскую душу... какими бы ни были наши взгляды на настоящую форму народного правительства в России. У кого бы из нас это не безвало воспоминания о борьбе гуситских революционеров с целым миром крестоносцев, которые также во имя морали, порядка и авторитета принесли сюда решать моральные проблемы нашего на-

¹³ *Česká stráž* II, № 44, 8. XI. 1919, 3 — Nejedlý, Zdeněk, *Z prvních dvou let republiky*, стр. 302 — Špičák, J., ук. соч., стр. 46—47.

рода при помощи диктатуры Зигмунда?»¹⁴ К этой параллели Неедлы возвращается неоднократно в своих более поздних размышлениях, главным образом в период опасности, грозящей нашей самостоятельности, и во время войны.

Год 1920, год декабрьских событий окончательно разделяет Неедлы и реалистов. Между ним и Масариком легли жертвы декабрьской забастовки. Великий демократ, гуманист и ученый весь свой ум и гений отдает на службу борьбе за правду о России, за дружбу с Россией, в лице которой уже в начале 20-х лет видит гаранта нашего будущего; он бросается в бой за новую славянскую политику, политику просоветскую. Он приближает советскую действительность нашей общественности, знакомит ее с советским искусством и, наоборот, становится посланцем наших художественных попыток в СССР. Он становится, таким образом, мудрым теоретиком марксистского отношения к культурному наследию, в борьбе, где занимает рядом с Я. Швермой одно из самых видных мест. Неедлы пишет свои большие биографии о Сметане, Масарике и первую пространную зарубежную биографию о Ленине. В этих биографиях он хотел выразить свое кредо о национальном и мировом развитии за последний период. Широко задуманная биография Сметаны изображает энергичное и победное наступление и борьбу молодой буржуазии; биография Масарика анализирует разложение буржуазного общества и его руководящего класса; наконец, в биографии Ленина — славится будущее. Он гордо присоединился к Великой Октябрьской социалистической революции и к делу Ленина. С самого начала Великой Октябрьской социалистической революции он посвятил ей и ее делу в областях социальной, культурной и политической, внутренней и международной, ее в высшей степени гуманному содержанию и практике, ее борьбе за мир и прогресс в международном масштабе все свои силы.

КПЧ высоко оценила творчество Зд. Неедлы сначала как своего замечательного союзника, политически независимого, позже, как своего члена.

Когда наша родина оказалась в смертельной опасности, когда сапог жестокой нацистской солдатни грубо уничтожал чешскую культуру и грозил самому бытию нашего народа, говорит профессор московского университета, заместитель председателя Славянского комитета Зденек Романович Неедлы со своей обливающейся кровью родиной, как верный сын с истязаемой матерью. В обливающееся кровью сердце и истязаемую мысль он вливал новую надежду на свободу, звал в бой, который отнял у него огромную надежду — единственного сына Вита, и с твердой верой учил нас смотреть в будущее.

Не могу здесь дать оценку всему творчеству гениального Зденека Неедлы, высказать более или менее всеобъемлющее суждение, поскольку это требовало бы более длительного размышления. Я хотел проследить источник и направление развития и во что вылились внутренний мир Неедлы и его творчество, значение которого не может умалить время.

Чехословацкий, а также советский народ с уважением смотрит на не-

¹⁴ *Boje o nové Rusko*, 83—85 — Špičák, J., ук. соч. стр. 48.

обычно обширное и разветвленное творчество ученого, публициста, теоретика и политика, мыслителя и художника самого национального, потому что он действительно народен, и одновременно народный и высоко гуманный интернационалист, действительно советский, как сам признается в введении к I тому своего Ленина. Поэтому с такой гордостью оценила КПЧ творчество Эд. Неедлы. В связи с празднованием его 70-летия со дня рождения Кл. Готтвальд в своем выступлении подчеркнул: «... Действительно, разве это не бесконечно интересный вопрос, почему страстный поклонник и лучший толкователь традиций нашей истории и нашей культуры, почему лучший знаток истории гуситства, нашего возрождения, жизни и творчества Сметаны, Йирасека, Немцовой и истории Национального театра — просто всего самого национального в нашей истории, становится близким другом рабочего движения, заинтересованным чехословацко-советской дружбы, биографом Ленина и, наконец, передовым деятелем Коммунистической партии?»

Ответ, повидимому, один: речь не может идти о случайности или невероятной воле судьбы, но перед нами блестящий пример мыслителя, который продумал до конца свои произведения, борца, который не остановился на полпути, патриота, который по-настоящему глубоко понял своего народа и увидел его самое далекое будущее. Эд. Неедлы не потому перешел в лагерь рабочего класса, на позиции социализма, хотя любил Йирасека и Сметану, хотя был хранителем национальных традиций нашей истории и нашей культуры, но именно потому, что любил Йирасека, Сметану, Немцову и охранял наследие нашего прошлого, потому, что понял, что рабочий класс и трудящееся — новая руководящая сила народа и хранитель, и умножитель всего лучшего, что когда-либо народ создал.¹⁵

¹⁵ Сб. *Zdeňku Nejedlému Československá akademie věd*, Praha 1953, стр. 7.

**FORMOVÁNÍ IDEOVĚ TEORETICKÝCH
NÁZORŮ ZDEŇKA NEJEDLÉHO**

Dílo Zdeňka Nejedlého, které tolik inspirovalo generaci, k níž patřil Fr. Jordán a které tak hluboce poznamenalo rozvoj vědy historické, uměnovědné a literární a pronikavě zasáhlo naši kulturně politickou praxi, vznikalo a rozvíjelo se v období, v němž se hledaly cesty budoucího vývoje společnosti. Dílo Nejedlého zrálo v době, kdy se na jedné šestině světa nabízela lidstvu odpověď, jak dále jít, aby se vyhnulo bídě sociální, kulturní a morální, aby se vyvarovalo krvavých světových konflagrací.

Autor se pokusil rovněž dát odpověď na otázku, odkud pramenila Nejedlého hledačská a poznávací vášně, mladistvý boj proti konvenci za pokrok vědecký a sociální, odkud pramenilo Nejedlého stranictví poznané pravdě a silám pokroku.

Odpověď nalézá v díle Nejedlého. Dílo historika F. Palackého a umělce Aloise Jiráskova skýtalo četné impulsy vědecké dráze mladého Nejedlého. Nejedlý svého geniálního učitele Palackého překonal jak koncepcí českých dějin, zvl. husitského hnutí, tak rovněž svou filozofií dějin. Nejedlý pronikal k samé podstatě fenoménu, k vnitřní dynamice vývoje. České dějiny a jejich události tradoval v rámci světového, obecného vývoje. Studium lidových hnutí, procesu národního obrození a osvobozenického hnutí přivedlo Nejedlého ke studiu současného revolučního hnutí. V historicitě VŘSR spatřoval historickou kontinuitu husitského hnutí. Od počátku VŘSR zasvětil veškeré své síly studiu jejího díla v oblasti sociální, kulturní a politické, jejího humanitního obsahu a praxe. V široce koncipovaných biografiích o Smetanovi, Masarykovi a Leninovi dal Nejedlý odpověď na otázku o smyslu moderního vývoje národního a světového společenství, o budoucnosti lidstva.

